

Советское общество сейчас с лёгкостью отождествляют с «советским проектом», а «советский проект» — с замыслами и практикой власти. И возникает несправедливая одномерность в описании «советского человека».

Из общей картины вытеснен огромный пласт социального опыта — разномыслия, свойственного, конечно, не только гражданам стран, прошедших через советское существование. Но в анализе современного российского общества, обычно именуемого «постсоветским», советское явление разномыслия определяет существенную линию его генезиса. Именно разномыслие, а не оппозиция идеократической системе способствовало исчерпанию и/или разрушению ресурсов её воспроизводства.

Поколения советских идеалистов

Михаил Рожанский,

историк, социолог,
научный директор

Центра независимых социальных
исследований и образования,
кандидат философских наук,
Иркутск

mr1954@yandex.ru

Для людей, привыкших смотреть на свою жизнь (не только биографическую траекторию, но и жизнь внутреннюю) с позиций истории, понятие *поколение* так же естественно, как для тех, кто смотрит на советскую историю уже из долговременной перспективы. Это один из обязательных фокусов, задаваемый исторической оптикой, и служит он не только аналитическим инструментом, но и способом эстетизации. Конструирование поколений современниками или потомками — эстетизация истории и драматизация собственной жизни за счёт приобщения к историческим смыслам. Поколенческий взгляд на историю — ключевой мотив поэтики

Фото Татьяны Фёдоровой.
Санкт-Петербург.

Принадлежность к «поколению», а не просто возрастной когорте — символический капитал.

«ифлийцев». Достаточно напомнить ставшие хрестоматийными довоенные «Лирическое отступление» Павла Когана («Есть в наших днях такая точность...»), «Мы» Николая Майорова («Мы были высоки, русоволосы...») или послевоенные строки Давида Самойлова, Юрия Левитанского, Александра Межирова. Принадлежащие к другому поколению и знаковые для эстетики советского идеализма (и, может быть, больше всех сделавшие для создания этой эстетики), Николай Добронравов и Александра Пахмутова написали в 1968 году песню «Наша судьба». Первые и последнюю строфу этой песни уместно привести здесь даже без аналитических комментариев — настолько выражают они пафос и ощущение миссии поколения в истории как *эстафете и поступи поколений*:

У нас хорошая память:
Живые забыть не смеют
Погибших за наше дело,
У нас нет иных святых.
У нас есть твёрдая вера:
Весь путь, что судьбой опущен,
Пройти мы сумеем честно
И жизнь не сломает нас...
...Мы верим в своё бессмертье, —
Когда мы устанем биться,
На смену придут другие,
Моложе и лучше нас.

Принадлежность к «поколению», а не просто возрастной когорте — символический капитал, чувство, которое не ушло вместе с «ифлийцами», гражданской лирикой шестидесятых и даже с Советским Союзом. Вопрос: «какое поколение можно считать последним советским поколением»? Заданный по

моей просьбе в Живом Журнале, он вызвал борьбу за право принадлежать к последнему советскому поколению. В комментариях авторов разного возраста (<http://langobard.livejournal.com/2577641.html>) отчётливо прослеживается и эстетизация своей жизни, и драматизация собственной судьбы за счёт судьбы поколения и за счёт его «советскости» без сколь-либо заметного акцента на политические позиции.

«Поколение» как понятие в научной, публицистической и художественной литературе включает в себя рамки идентификации, нормы социальной реализации и существование проблемы реали-

зованности¹. В социальном поведении, в союзах и разрывах, в интонациях и темах споров, в дневниках и письмах проявляются особенности проживания экзистенциальных проблем поколения. Люди же, принадлежащие поколению, хотя и осознают свою принадлежность ему, но чаще понимают всё это как внутренние проблемы личности, связанные с самореализацией, поиском себя и своего места в жизни. Однако при исторической ситуации, которая потребует выбирать, именно эти внутренние трудности зададут направление и пределы социального поведения, позволят или не позволят оттянуть выбор. Событие в прямом смысле слова, то есть то, что обнаруживает *совместность бытия*, обнажает «точки разлома», придаёт им общественную значимость, заставляет выбирать и делает основания выбора предметом публичного спора или приватным, для близкого круга. Процесс самоопределения в этой ситуации может быть и спонтанным, результатом импровизации, но результатом выбора нередко становится судьба.

Принято считать, что именно XX-й съезд КПСС, будучи переломным событием в идейно-политической истории, определил поколение. Не оспаривая этого, уточним, что XX-й съезд стал знаком и катализатором ситуаций выбора, когда человек с социальными идеалами, убеждениями, принципами, должен был пересматривать какие-то из них, иногда переопределять личные отношения. В большой степени таким же событиями были (по воспоминаниям и интервью) советско-германский договор 1939 года, послевоенные идеологические кампании, «дело врачей», ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, «брежневское» безвременье. Ситуации XX съезда сопутствовали изменения в самой структуре публичного пространства, которые расширили возможности

Поколения советских идеалистов

¹ спектр смыслов категории «поколение» в исторической семантике и в языке исследователей классифицирован Борисом Дубиным - см. Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети, сс. 61-79

для опубликования личного выбора, а от кого-то и требовали публичности, но и другие названные события (и ряд неназванных) были существенны для формирования и самоидентификации. Сохранение личностной целостности требовало внутреннего выбора, поиска аргументации в разрешении внутренних трудностей и межличностных отношений даже тогда, когда поле публичности предельно сужено. Выбор рационализировался, а значит, развивались точки зрения, альтернативные «общему» строю мыслей, лишённому права на противоречия. Иначе говоря, поколения (в социально-историческом, а не демографическом смысле понятия) образуются через раскол социальной среды, возрастной когорты, через переформирование кругов общения. Тогда *разномыслие* — неотъемлемый элемент образования поколения.

Есть ли нужда умножать сущности: *инакомыслие*, казалось бы, синонимично *разномыслию*. Но соотнесение этих двух понятий, выяснение их несовпадения позволяет увидеть исследовательские вопросы, на которые невозможно отвечать в пределах идеологических конструкций советского общества, которыми до сих пор оперируют.

Корень «разно» подчёркивает существование взглядов, мнений, умонастроений, отличающихся от чего-то общего², а «общее» в контексте дискуссии по теме «разномыслие в СССР» (и в первую очередь, в контексте книги Б.Фирсова, инициировавшей дискуссию) — это «мышление», отвечающее официальным установкам. Даже если за понятием «инакомыслие» оставить то, что за ним закрепилось исторически — оппонирование строю, диссидентство — то всё равно разномыслие как «необщее отношение к социальной жизни» не может исчерпываться критикой строя «изнутри». Были люди, которые ценности строя не принимали, мыслили самостоятельно, но критика «консти-

туирующей идеи» не занимала их как что-то важное. Они не совпадали с официальным, но и развивались не в логике противостояния, опровержения. Георгий Федотов в середине тридцатых годов предсказывал роль разрушителей советского строя именно тем социальным группам, которые минимизируют свои отношения с утверждавшейся системой идеологической власти³. Кто-то из них инстинктивно уклонялся от участия в общественной жизни, кто-то осознанно выбирал жизненные стратегии, позволявшие держаться в стороне, что сопряжено именно с «необщим» образом мыслей. Именно они создавали тот контекст, который заставлял партийный аппарат регулярно призывать массы к активной жизненной позиции, ставить вопросы о недостатках идейно-пропагандистской работы и мерах по повышению её эффективности. Тем не менее, эта очевидность не замечается и внимание исследователей советского феномена обращено исключительно на тех, для кого отношение к строю было жизненно важно.

Исследование разномыслия «внутри» системы поможет нам глубже проникнуть в логику её складывания и разрушения, раскрыть роль, которую сыграло в этих процессах развитие индивидуального сознания, и понять движение от подданного к гражданину.

Первые идеалисты

Достаточно отчётливо выделяются два советских поколения, в духовной жизни которых советские идеалы занимают центральное место, и развитие

³ В статье «Правда побеждённых» Федотов писал о а) той молодежи, которая идёт в естествознание и инженерно как неидеологические сферы (а режим без них не обойдётся, поскольку осуществляет модернизацию страны); б) религиозно ориентированных (за ними традиция, идеалы и готовность к мученичеству); в) «зоценковских» героях («санитарная роль мещанства» — несокрушимая аполитичность человека, решающего проблемы быта) — см. Г.П. Федотов Полное собрание статей в 6 томах. том 3. «Тяжба о России» (статьи 1933-1936). — Paris: YMCA - PRESS 1982.

К обозначенной триаде можно с исторической дистанции добавить аполитичную часть художественной интеллигенции, отметить как форму осознанного или инстинктивного сопротивления системе странничества разного вида («по СССР бегать не полагается»), также способствовавшее «необщим» мыслям и наблюдениям, к таким мыслям располагающим.

² Как и формулирует Фирсов: с.8 «Специфика слова «разномыслие» в русском языке сегодня такова, что означает необщее понимание и отношение к социальной жизни».

Для поколений идеалистов
 пора взросления,
 принятия на себя
 ответственности
 совпала
 со временем столкновения
 идеалов с жизнью.

Поколения советских идеалистов

отношения к этим идеалам во многом определяет развитие индивидуального сознания. Рамки реализации личности, идеальные типы самореализации для представителей этих поколений заданы масштабными историческими событиями — русской революцией и победой над нацистской Германией. *К первому поколению* принадлежат люди примерно 1917-1924 годов рождения. Их первичная социализация пришлось на тридцатые годы, а вторичная совпала с войной. *Второе поколение* — это те, кто были или стали подростками во время войны, а к моменту десталинизации второй половины 50-х столкнулись с необходимостью личной переоценки ценностей. Их объединяет то, что «главное произошло до тебя». Для первых «главное» — это революция, для вторых — революция и война. Масштабное событие, требовавшее самоопределения, уже произошло, уже недостижимо. Кроме того, исторически для этих поколений пора взросления, принятия на себя ответственности совпала со временем столкновения выбираемых идеалов с жизнью. Советские идеалы и их переоценка настолько важны в духовной эволюции представителей данных поколений, что их можно определить как поколения советских идеалистов или сказать осторожнее: этим поколениям соответствовали первые два поколения советских идеалистов.

К представителям «последнего советского поколения» после выхода книги Ал.Юрчака (Yurchak A., 2006) в научной литературе стали относить людей, родившихся в 1950-1960-е годы. Но, как точно заметил Энди Байфорд, определение последнего советского поколения в этой книге «не столько описывает возрастную страту людей, сколько даёт анализ специфического «времени-места» (Байфорд Энди, 2009, с.96). В рамках статьи невозможна детальная и аргументированная реакция на такую серьёзную работу, каковой является исследование Алексея Юрчака, но тема «советского идеализма» заставляет, во-первых, расслать предложенную возрастную страту,

а, во-вторых, уточнить, к какому поколению всё же можно отнести этот эпитет «последнее советское», который и в случае Алексея Юрчака служит самоидентификацией.

Советские идеалы и выработка отношения к ним играли важную роль в личном формировании многих из тех, кто был подростком в шестидесятых годах, то есть это, скорее, люди, родившиеся с конца 40-х и до конца 50-х годов. Первичная социализация тех, кто родился несколько позднее, пришлось уже на гораздо более формализованную, лишённую ярких воодушевляющих событий советскую жизнь 70-х. Вновь советские идеалы стали актуальны в период их активного оспаривания и пересмотра — во время «гласности» и «перестройки», публичного соотнесения идеалов и повседневности. Старшекласников, кто в эти годы определялся с профессиональным выбором, активно или как слушатель участвовал в общественных дебатах, тоже можно причислить к последнему советскому поколению. Но, применяя в этих двух случаях понятия «поколение», «советское», «идеализм», приходится делать больше допущений и оговорок, чем в отношении первых двух поколений. Общество стало более многообразным, индивидуалистическим, да и исторически ситуация изменилась. Для подростков шестидесятых начало взрослой жизни пришлось на «брежневское безвременье», лишённое концентрированных событий, впечатляющих масштабностью. Представители последнего поколения в результате своего «масштабного события» оказались в разных государствах и, соответственно, в разных социально-исторических ситуациях.

Проводя границы между поколениями, особенно называя конкретные возрастные координаты, надо также иметь в виду социально-историческую географию страны с предельной степенью централизации. В отличие от Москвы, Ленинграда и нескольких республиканских столиц, в большинстве городов до середины восьмидесятых практически не было возможности выступить с коллективным или индивидуальным «осо-

бым мнением» в публичном пространстве, быть услышанным. Не было никакой возможности выдержать это как линию поведения: в 1988-1989 гг. далеко не во всех городах возникли площадки активных политических дискуссий. Оставалась значительной и разница в повестке дня дискуссий между российскими городами, с одной стороны, и в союзных республиках, с другой.

Последнее советское поколение

1985-1991 годы стали временем движения от права на своё мнение к культуре разномыслия. В старшей школе появился выбор — вступать или не вступать в комсомол. У этого поколения уже нет памяти исторических свершений, даже Отечественная война была отчуждена от них ритуализацией и официальной пропагандой, но у них есть культурное поле, возникшее благодаря приватному публичному пространству. «Особое мироощущение» тех, кто был детьми в 1950-1980-х, Борис Фирсов объясняет «умной силой» их родителей, взявшей верх над обскурантизмом доктринального воспитания (Фирсов, 2008, с. 201). Для детей 70-х-80-х пространство, созданное поколением родителей, было уже естественным условием жизни. Культура этого пространства была альтернативна как официальной, так и массовой (утилитаристской или, как определяли до 70-х годов, «мещанской», а с 80-х — «попсой»). Важным элементом этой культуры были авторская песня с её культом поэтического слова и критическим (по отношению к «ненастоящему») романтизмом и фильмы шестидесятников. Революция осталась одним из предметов фильмов и книг 1970-х, но уже не «завораживала» своим историческим масштабам, а представляла романтикой личного идеализма. Личный идеализм был скрытым вызовом геронтократии, «безгеройному» времени, застою. Как и предыдущие поколения — это читающие девочки и мальчики. Среди авторов, оказавших влияние на становление этого поколения, как и предыдущего, практически всегда называют братьев

Стругацких. Но есть ещё и своё «поколенческое» писательское имя, часто незнакомое или малознакомое более старшим — Владислав Крапивин. Выбор культовых писателей подчеркивает социальную озадаченность читателя.

Начало активности поколения совпало с публичной дискуссией об отечественной истории, разразившейся в 1987-1988 годах. Подростков, которые привыкли уже читать и думать, не так впечатлила свобода высказываний, сколько их зависимость от небольшого набора клише. На двадцатилетней дистанции они невысоко оценивают уровень понимания, который был у них в то время, но из интервью в интервью вспоминается ощущение

неудовлетворённости уровнем публичного дискурса: «что-то, что говорится вокруг — ненастоящее, потому что это расхожее, это банальное, это не глубокое» (*интервью О.Т., 1977 г.р.*). Они привыкли к другому уровню осмысления, предполагающему не только публицистическую, но философскую работу, другую культуру аргументации, что можно объяснить и кругом их чтения, и дискуссионными практиками, существовавшими в приватном и приватно-публичном пространствах. Презумпция смелости, когда смелость высказывания была критерием истины, существовала для молодых людей, скорее, как сомнительная культурная норма окружающего мира. Смелость не была ими выстрадана и поэтому смелость других не компенсировала неудовлетворительное качество размышлений.

В каждом биографическом интервью представителей этого поколения при воспоминаниях о второй половине 1980-х годов мы увидим два обязательных типичных сюжета. Каждый вспоминает о своей реакции на «перекраску» какого-либо действующего лица из числа старших знакомых или публичных персон, и это говорит о том, что действовали критерии искренности и содержательности в оценке людей, объединённые у предыдущих поколений в понятие «настоящий человек». Второй неперменный сюжет — конфликт с «вышестоящими»: учеников с учителем(ями), комсомольского активиста с комсомольским функционером, комсомольского работника с партийным. Точки возникновения конфликтов — отказ «вышестоящим» в праве на обладание правильным знанием.

Главное событие последнего советского поколения — это обвал советского мира, включающий перестройку, в условиях которой они социализировались, и распад Союза: «ассоциаций с революцией не было. Семнадцатый год мы воспринимали как некое недоумение, которое имело какие-то там исторические объяснения, коллизии,

Поколения советских идеалистов

а вот распад СССР для нас был событием вселенского масштаба» (*интервью А.Е., 1975 г.р., историк*).

Но в отличие от масштабных событий, которые формировали предыдущие поколения, распад советского мира не был событием мобилизующим. Люди помнят лишь ощущение перехода в другой мир, другие обстоятельства жизни и другие режимы существования. Это поколение тоже не выступило разрушителем, но оно было первым в истории нашего общества, которое остро столкнулось с *обязательностью самостоятельного выбора*. Для тех, кто жил в бывших союзных республиках, экзистенциальные трудности вызвало столкновение социального идеала и национального (этнического) самоопределения. Так, возникшая в середине 1990-х, в период вторичной социализации проблема выбора между жизненно важными ценностями оформила отличие этого поколения от других — тех, кому поздно было выбирать или тех, для которых выбор уже был необязателен. Что касается собственно России, то у нас об этом поколении можно говорить, скорее, как о потенциальном.

У последнего советского поколения право на собственные траектории совпало с открытием зарубежного мира и ощущением колоссальности доступного пространства. Большинство моих собеседников этого возраста⁴ — это люди, которые активно двигаются в жизни, ищут и воспринимают при этом свой путь как некую созданную самостоятельно стратегию. Они стали первым поколением, для кого естественной нормой поведения является баланс между «идеалами» и «интересами». Для старших характерно противостояние между теми, для кого идеалы — инструмент манипуляции и демагогии в достижении своих интересов, и теми, для кого идеалы ассоциируются с бескорыстием и романтизмом. Это поколение — единственное из выросших

в Советском Союзе, для представителей которого реализация социальных идеалов — условие реализации индивидуальных интересов. Иначе говоря, они могут жить не только в родной стране. Но те, кто предпочитает остаться, хотят изменить страну так, чтобы они в ней могли полнее реализовывать себя. Вопрос в событии и/или возникновении социальной ситуации, которая потребовала бы от представителей этого поколения стать субъектами социального действия, то есть стать поколением.

Последнее советское поколение формировалось без рисков, связанных с «необщим» строем мыслей и лишено той социальной инфантильности, которая предохраняет от расхождений с «общим» строем. Поэтому обозначить поколение «детьми перестройки» пусть и с большими оговорками, но можно. Социализация в условиях бурных событий перестройки не столько напитала их социальной энергией, сколько сформировала настроенность к активному политическому действию. Понимание необходимости такого действия для реализации идеалов и личностная автономия как безусловная ценность — так можно обозначить внутреннюю трудность, которая может сформировать поколение, если ход событий потребует публичного выбора.

Представителям последнего поколения советских идеалистов присуща лояльность в классическом смысле этого понятия: они принимают власть и необходимость закона и социального порядка, не принимая ни в каком виде идеократию и даже чьи-либо претензии на власть над умами.

Текст составлен по материалам статьи М.Я. Рожанского для сборника, посвященного дискуссии о разномыслии в СССР, развернувшейся после выхода книги Бориса Максимова Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы: История, теория и практики». — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. Полный текст статьи будет опубликован на сайте журнала www.journal.60parallel.org

⁴ В интервью и фокус-группах в Иркутске и различных городах Сибири, Петербурге, Москве, Самаре, Узбекистане и Киргизии участвовало всего около 40 чел. 1972-1978 г.р.